

Михаил Юрьевич Байдаков –

издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка»

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Идеологии и ценности

Вопрос об идеологии – ее пагубности или благотворности – не сходит с повестки дня общероссийского дискурса о судьбе страны вот уже не одно десятилетие. Раньше жизненная необходимость «единственно верной» идеологии постулировалась как истина, и директивно назначалась соответствующая система взглядов. На смену этой жесткой идеологической дисциплине, имевшей, помимо прочего, еще и статус юридической нормы, пришло отрицание не только господствующей идеологии (что тоже было наспех закреплено в виде конституционного требования), но и необходимости в идеологии вообще. Однако Конституция конституирует, а жизнь идет по своим законам. Вопросы идеологии и ценностей представляются нам весьма важными, недостаточно разработанными и, несомненно, пребывающими в общест-

венном сознании в хаосе разногласия. В связи с этим мы хотим затронуть некоторые из них ради постановки в общественно-политической дискуссии, предложив в ряде случаев свои оценки и суждения.

Вот некоторые из вопросов, представляющиеся нам важными.

Что такое идеология сегодня, в каких формах она себя реализует в современных обществах? Кто и как создает и внедряет идеологию: государство, правящая политическая партия, культурный, религиозный, политический и иной контекст, формирующийся в разных источниках – научных исследованиях, СМИ, литературе, кино, театре, ТВ, Интернете и пр.?

Существует ли сегодня в России идеология? Нужна ли России идеология? Может ли религия (какая-либо или конкретная) полностью взять на себя функции идеологии? Какова связь между идеологией и

Барельеф с Алтаря мира. I век

ценностями (личностными, социальными и пр.)? Что первично, что вторично? Какова природа ценностей? Какова палитра ценностей современного российского общества? Существует ли конфликт ценностей? Как он может быть (и может ли быть) разрешен?

Несмотря на пропагандистские попытки убедить общественное мнение в пагубности идеологии и в благодатности ее отсутствия с момента принятия Конституции РФ, запрещающей иметь какую-либо господствующую идеологию, она, конечно, существует. Больше того: существует и господствующая, вернее, доминирующая идеология, о которой мы скажем ниже, однако сперва вспомним — что такое идеология.

Предлагается много различных определений понятия «идеология». Все они содержат описание того, что идеология — это система взглядов, идей, идеалов, отражающих мировоззрение и интересы общества в целом или его частей. Отличаются определения тем, что одни из них признают в качестве идеологий лишь те системы взгля-

Практическая политика может определяться как концептуально оформленными идеологиями, так и без них, проводя в жизнь ту систему взглядов и ценностей, которой по факту привержена властная элита. Такая тактика оказывается иногда удобной, поскольку выводит властную элиту из пространства идеологической борьбы, позволяя ей легко уклоняться от всех видов идеологического оружия и давления.

дов, которые оформлены концептуально, скажем, в виде программ политических партий, выделяя тем самым политическую ипостась идеологии как формы общественного сознания. Более «мягкие» определения описывают идеологию скорее как часть культуры, допуская существование множества идеологий у самых разных групп и слоев населения в формах стихийного, неконцептуализированного мировосприятия. В этом случае понятие идеологии приближается к понятиям индивидуальной или групповой системы ценностей, правил и норм поведения, нравственных регуляторов, отражающих системы взглядов семьи, религиозной или этнической группы, профессионального объединения или любого иного социального среза общества.

Практическая политика может определяться как концептуально оформленными идеологиями, так и без них, проводя в жизнь ту систему взглядов и ценностей, которой по факту привержена властная элита. (Употребляя здесь слово «элита», мы имеем в виду узкофункциональный, а не культурно-этический аспект, то есть «элита» — это не самые лучшие люди, а группа лиц или сообщество, принимающее политические решения и воплощающее их в жизнь.) Такая тактика оказывается иногда удобной, поскольку выводит властную элиту из пространства идеологической борьбы, позволяя ей легко уклоняться от всех видов идеологического оружия и давления. Слабость же такой тактики состоит в том, что властная элита ограничена в своих возможностях мобилизации насе-

И без того размытые границы современных идеологий перестали вообще что-нибудь значить. С обществом, находящимся в таком состоянии, гораздо эффективнее работают так называемые механизмы демократии. Если из демократического процесса изъяты идеологические ориентиры или они размыты, общество превращается в стадо, а управление им сводится к несложному алгоритму взаимодействия пастуха и овчарки.

ления как для осуществления проектов развития и достижения общих целей, так и для собственной защиты, поскольку как только оппозиционные политические группы смогут мобилизовать общественное мнение под знамена альтернативной идеологии, удержать власть будет трудно. Основной же изъян, вызванный отсутствием адекватной времени идеологии у правящей элиты, состоит в принципиальной невозможности стратегического планирования судьбы страны и населяющих ее народов как единого целого, обеспечения ее

суверенного существования и безопасного развития.

Именно в этой ситуации сейчас находится правящая элита и даже правящая политическая партия «Единая Россия», не манифестировавшая определенной идеологии, а сформировавшая внутрипартийные «платформы» с разной идеологической окраской, о которых Сергей Нарышкин сказал: «Либералы, консерваторы, государственники — все мы патриоты и члены одной партии». И это не ее выбор, а ее родовой признак, поскольку рождалась она по замыслу властной элиты, то есть той

социальной группы, которая уже находилась у власти и создавала необходимые ей функциональные политические формы под себя.

Отсутствие манифестированной идеологии не означает отсутствие идеологии как таковой. Любая власть в своих делах проявляет систему присущих ей взглядов и ценностей, не исключение и российская власть новейшего времени. Диагностируя идеологический выбор власти по принятым ею подходам во внутренней и внешней политике, экономике, культуре, ограничениям или их отсутствию в сфере общественной морали и идеалов, деятельности СМИ, политике в области образования, здравоохранения и других сферах жизни, следует с тревогой признать критическую эклектичность идеологии российской власти. Критическую в том смысле, что в ней на равных правах нали-

чествуют смертельно противоположные системы взглядов — от социал-дарвинизма, неорабовладения и всех иных видов социальной сегрегации до планов и действий по построению социального государства, общества справедливости. Ясно, что такой клубок противоречий в святой святой политической власти не может не привести к ее коллапсу, а вслед за этим и к разрушению государства.

Непривязанность правящей элиты и партии к какой-либо идеологии дает ей временное тактическое преимущество: она может следовать любой политике, поддерживать любую перемену политического курса. В этом смысле партия без идеологии («партия нового-нового типа») становится идеальным инструментом для определенной части политической элиты «нового типа». То есть такой «элиты», которая имманентно не связана идеологией, не имеет высоких идеологических, духовных устремлений, а озабочена лишь собственными меркантильными интересами, удержанием власти, победой во внутренней борьбе частей неоднородной элиты и сохранением покровительства со стороны тех внешних сил, на которые она уповает в своих сокровенных чаяниях.

Однако как только перед властной элитой или ее частью встает вопрос о самостоятельном и успешном развитии России, с очевидностью возникает необходимость в артикуляции идеологии, способной обеспечить это движение. Такую идеологию естественно назвать идеологией развития, подчеркнув тем самым ее направленность. Поскольку развитие возможно только на основе самореализации народа, способного в своем историческом движении сочетать опору на собственные базовые ценности с адекватными це-

лям и обстоятельствам трансформациями жизненного уклада, идеология развития должна включать в себя как базовые ценности, так и факторы роста.

Произнося слова «правлящая элита», мы допускаем упрощение, поскольку такая элита неоднородна, внутри нее происходят сложные процессы формирования и эволюции разных взглядов, отражающих разные идеологии и ценности. Важно также не забывать, что эти процессы протекают во времени достаточно быстро: охарактеризовав так или иначе «правлящую элиту» несколько лет — а порой и месяцев — тому назад, следует внимательно проанализировать самые последние события и действия, которые могут потребовать уточнения или перемены идеологических оценок.

В предвыборных программных статьях Владимира Пу-

критику действий президента со стороны так называемых оппозиционных сил. Мы видим, как обществу навязываются ценности, которые и мы, и президент в ряде своих высказываний считаем чуждыми. В полном противоречии с целями, обозначенными президентом, идет демонтаж системы образования, в массовой культуре продолжается засыле низкопробных образцов литературы и искусства, система государственного управления продолжает оставаться коррумпированной и неэффективной, обществу не предложены ясные и привлекательные образы будущего, в связи с чем личные цели и представления об успехе у многих сводятся к удовлетворению самых примитивных запросов. Наряду с этим увеличивается та часть общества, которая не просто бездумно поддерживает Путина, но по-

В стране сложилась совершенно определенная идеология, воплощающаяся в конкретной каждодневной экономической, культурной и информационной жизни. Ее нельзя назвать господствующей де-юре, но можно считать доминирующей де-факто. Для нее трудно подобрать название из числа имеющихся, придется попытаться придумать нечто новое — например, назвать олигархическим псевдонеолиберализмом.

тина представлена определенная ценностная палитра, сформулированы конкретные задачи, которые следует решать. Став президентом, он предпринимает действия, направленные на достижение указанных целей. При этом мы наблюдаем процесс противоборства, который некоторые аналитики сводят к «борьбе элит». Мы же полагаем, что это отражение гораздо более фундаментального процесса тектонического сдвига в ценностных ориентациях и этическом выборе планетарного масштаба, который влияет и на личностные предпочтения действующих лиц. Мы наблюдаем непрекращающуюся

нимает глубину и сложность происходящих трансформаций, способна вычленять позитивные процессы и осознанно им содействовать, оказывая при этом сопротивление всему, что толкает Россию на путь распада и деградации. Рост этой части общества, углубление уровня ее понимания происходящего, усиление ее влияния на процесс прорыва России к подлинному развитию — это сегодня самый главный социальный процесс в стране. Для поддержания и развития этого процесса необходимы интеллектуальные центры, обеспечивающие основательный анализ социокультурной динамики и политических

действий, предлагающие свои оценки и решения как заинтересованным в этом президенту и части элиты, так и всему обществу. Такие центры у нас имеются. Одним из старейших и мощнейших является тот духовный, интеллектуальный и политический кластер, который образуют общественные организации – МОФ «Диалог цивилизаций», Фонд Андрея Первозванного, Центр национальной славы – и реализуемые ими программы. Здесь на протяжении многих лет идет непрекращающаяся работа собирания интеллектуальных сил, ведущих поиск путей развития России с сохранением ее духовной, нравственной сути, со сбережением и умножением ее культурного наследия. Авторы, являясь частью этого сообщества и этого процесса, стремятся, в том числе и этой статьей, внести собственный вклад в общее дело. Частью такого дела является формирование новой идеологии – идеологии развития. Мы видим роль экспертно-аналитического сообщества в формулировании практической идеологии, которая обеспечивала бы развитие России в интересах всех ее граждан с сохранением базовых ценностей народа, в поиске социогуманитарных и политических технологий реализации этой идеологии, в поддержке действий политической элиты и политических лидеров, способствующих внедрению таких технологий, в критике тех действий, которые тормозят или разрушают движение России к развитию. Любые действия правящей элиты формируют пространство, в котором вызревают идеологии. Реалии современной политической жизни страны состоят в наличии противоречивых взглядов, целей и действий, производимых правящей элитой. Отсюда и наблюдаемая эклектика факти-

ческой «суммы идеологий», в которой пребывает сегодня страна. Это процесс более сложный, нежели следование избранной, сформулированной и внедренной в сознание большинства общей идеологии, как это было в СССР и как это имеет место, например, в США. Вариант идеологической формулы Америки недавно ясно сформулировал сенатор Джон Маккейн: «Для Америки наши интересы – это наши ценности, а наши ценности – это наши интересы». Россия пока переживает период поиска «суммы идеологий» и еще далека от обретения чеканных формул собственного прошлого типа «Православие, самодержавие, народность» или «Наша цель – коммунизм». Тем не менее процесс формирования фактической идеологии идет. В этом процессе отчетливо видны самые разные черты – светского гуманизма и православной морали, либеральных политических свобод и неолиберальных экономических принципов, поддержки неограниченного роста личного благосостояния и социальной защиты населения, стремления к политическому суверенитету и вставания в мировую глобализованную политико-экономическую реальность, укрепления военной мощи, обеспечения безопасности и разнонаправленности внешнеполитического вектора. Многие аналитики утверждают, что среди этих устремлений есть взаимоисключающие. Скажем, опираясь на неолиберальные экономические принципы, невозможно построить социальное государство, а внедряя либеральные политические свободы, нельзя не разрушить православную мораль и т.д. Ясно, однако, что в действительности вопрос «примиримости» разных подходов есть вопрос о мере влияния тех или

иных принципов: абсолютизирование любого из них делает невозможным применение его диалектической противоположности. Видимо, лишь «подгонка» принципов на основе взаимных уступок может позволить выработать некую синтетическую идеологию, отвечающую интересам всех социальных групп, вернее, компромиссу интересов. К этой ли цели стремится президент или же его действия есть лишь ситуативное реагирование на сложный и противоречивый комплекс факторов, влияющих на его выбор, мы не можем сказать с однозначной определенностью. Полагаем, однако, что имеются как указанные стремления, так и учет реальных политических факторов.

Очень важно уметь ориентироваться в сложном пространстве вбрасываемых в общественное сознание слов, идей, концептов. Надо уметь распознавать соответствие или противоречие между предлагаемыми подходами и собственной системой ценностей. А это весьма непростая задача, усложняющаяся в том числе и тем, что собственные ценности зачастую остаются неосознанными и неопознанными, их наличие воспринимается лишь с их утратой. И помощь в этом должно оказать экспертно-аналитическое сообщество и те СМИ, которым близки названные идеалы.

В пространстве идеологий наблюдается турбулентный процесс. Прежде у идеологических направлений были свои наименования – например, «левые», «правые», «либералы», «демократы», «консерваторы», «социалисты» и т.д. Сейчас произошли их полное перемешивание и неоднократная перемена содержания. Сперва мы наблюдали, как те, которых следовало называть «левыми», стали «правыми», «левые» же оказались «кон-

серваторами и реакционерами». В результате и без того размытые границы современных идеологий перестали вообще что-нибудь значить и, следовательно, служить идейными ориентирами. Это важная причина глубокой идеологизации общества, приведения его в состояние невозможности идеологического выбора. С обществом, находящимся в таком состоянии, гораздо эффективнее работают так называемые механизмы демократии. Если из демократического процесса изъяты идеологические ориентиры или они размыты, остается усеченный набор простеньких эмоциональных критериев и предпочтений. Общество превращается в стадо, а управление им сводится к несложному алгоритму взаимодействия пастуха и овчарки.

Говоря об идеологической палитре современной России, следует признать наличие множества идеологий, присущих разным социальным группам. Немногие из них оформлены в политические программы и обладают институциональными формами — структурами, производящими, развивающими и распространяющими идеологические доктрины. При этом требование Конституции об отсутствии господствующей идеологии формально соблюдено: нет единого государственного органа, производящего, манифестирующего общегосударственную идеологию и контролирующего ее внедрение в жизнь — наподобие того, как в свое время делали аппарат ЦК КПСС, партийные органы и контролируемые ими СМИ. Или же в той форме, в какой сейчас осуществляется идеологическое доминирование в США — посредством документов типа «Патриотического акта 2001 года», а также разработанных государственными институтами «Стра-

Античная статуя, изображающая Судьбу

Страх перед собственным прошлым, экономическая и информационная зависимость от критикуемой «либеральной» среды, неспособность определить общую для всех цель и ценностную базу делают огромное большинство народа безвольной податливой ворчащей массой, а не здоровой нацией, способной к развитию. Если не произойдет концентрации ума и воли, народ так и утечет в черную дыру истории, куда уже влечет его «рок событий».

тегий национальной безопасности» или посланий президента. В России аналог этих акций можно усмотреть в цикле статей Владимира Путина в период его предвыборной кампании и в посланиях президента Федеральному Собранию. Совокупность идеологических сигналов, исходящих, с одной стороны, от президента и сторонников развития России, с другой — от приверженцев иных взглядов, внедряющих свои ценности посредством СМИ и влияния на культуру, формирует в общественном сознании аморфную смысловую среду, в которой трудно осознать идеологическую линию, способную служить и общенациональным идеалом, и руководством к действию по его достижению.

В результате в стране сложилась совершенно определенная идеология, воплощающаяся в конкретной каждодневной экономической, культурной и информационной жизни. Ее нельзя назвать

дополнив классический либерализм рычагами государственного регулирования. По замыслу роль государства состояла в защите свободного рынка и конкуренции от всяких посягательств на них как со стороны политических движений, так и со стороны самих участников рынка, стремившихся к монополизации. Этот подход оказался эффективным инструментом в руках политико-экономической элиты США и впоследствии распространился по всему миру, сформировав, в частности, тот процесс, который сегодня называют глобализацией.

У правящей элиты США оказалось в руках много инструментов, позволяющих ей маневрировать не в одномерных пределах линии «капитализм—социализм», а, как минимум, на двумерной плоскости, включая попеременно и по мере надобности то рыночные, то государственные рычаги регулирования и экономики, и общественно-поли-

сударственный бюджет — для «спасения» своих банков, оказавшихся в состоянии банкротства и т.д. Сегодняшний «неолиберализм» — это уже не тот романтический «справедливый» регулятор, обеспечивавший свободу конкуренции. Сегодня это некий новый монстр в руках весьма небольшого количества транснациональных финансово-промышленных групп, действующий в своих интересах, а вовсе не в интересах «всеобщего развития и процветания». Называть его по-прежнему неолиберализмом неверно. Поэтому и придумываются некие новые названия, пытающиеся отразить рост вмешательства государства, такие как, например, интервенционизм. В России и других бывших «странах социализма» манифестирован обратный процесс: снижение роли государства во всех сферах жизни, то есть как бы движение от социалистической к неолиберальной экономике. На деле в этом движении функция государства весьма противоречива. С одной стороны, заявлено строительство социального государства с рыночной экономикой. То есть государство берет на себя обеспечение социальной защиты населения и его политических свобод, предоставляя рыночным механизмам поддерживать экономический рост и конкурентоспособность государства в мировой экономике. С другой стороны, механизм кланово-олигархического использования государства, коррупция как способ управления, возникшие с самого начала 90-х и окрепшие в дальнейшем, не позволяют считать политико-экономический режим современной России ни либеральным, ни неолиберальным. В 1992 году госрегулирование заявило: уничтожьте меня, но я по-прежнему буду решать, кто, когда и на каких условиях

Чаще всего разговор о современных проблемах социальных ценностей так или иначе апеллирует к теме кризиса ценностей. Словосочетание стало устойчивым выражением и, как это часто бывает с устойчивыми выражениями, создает иллюзию понимания явления. В то время как слова «кризис ценностей» без погружения в более тщательный анализ не объясняют вообще ничего и даже не обозначают предметную область проблемы.

господствующей де-юре, но можно считать доминирующей де-факто. Для нее трудно подобрать название из числа имеющихся, придется попытаться придумать нечто новое.

Не следует называть такую идеологию просто неолиберализмом, как часто делают и критики, и апологеты этой модели в России, и здесь следует кое-что разъяснить. Неолиберализм возник в поисках нового инструментария в период «Великой депрессии»,

экономической жизни. Прочие же страны могут и должны в лучшем случае ползать по отведенному им отрезку линии «капитализм—социализм», а в худшем — оставаться в указанной им точке.

В своем развитии неолиберализм достиг уровня отрицания самого себя: в последние десятилетия финансово-промышленная элита самым прямым и жестким образом использует государство и все его властные возможности для ведения собственного бизнеса, а го-

Иоганн Лингельбах. Карнавал. Около 1650/1651 годов

будет меня уничтожать. Так что либералов и неолибералов у нас во властной элите никогда и не было: все до одного использовали только инструменты государственного регулирования, а вовсе не свободной рыночной конкуренции — начиная от гайдаровской революции сверху, до чиновников-коррупционеров, формирующих уже второе — наследственное — поколение в России.

Сложившуюся в стране практику можно назвать олигархическим псевдонеолиберализмом, сокращенно — в рамках настоящей статьи — ОП. ОП-идеология охватывает две сферы — экономическую и социально-политическую. Последовательное применение ОП-принципов в экономике привело хозяйство России к деградации промышленного про-

Общество погружено в ценностный хаос, в постмодернистское пространство аномии, в непрерывный калейдоскоп как бы равнозначных смыслов и ценностей. В мире ценностей неолиберализм принимает форму постмодернистского хаоса. В этом карнавальном вихре только режиссер действия способен распознать своих, остальные должны утратить способность к различению, к осознанию самого понятия ценности.

изводства и утрате рынков сбыта промышленных изделий, к «экономике трубы», к применению коррупционных схем управления, к практически полной финансово-экономической зависимости государства от внешних факторов. Надо сказать, что ориентация именно на ОП-принципы в экономике имеет отнюдь не стихийный или вкусовой характер. ОП в России является наиболее тщательно и широко выстроенной системой институтов, он хорошо оснащен теоретически, тех-

нологически и кадрово. Экономическая политика России с самого начала на словах опиралась на неолиберальные концепты, ориентировалась на соответствующие школы за рубежом, формировала отечественные государственные институты (такие как, например, ГУ-ВШЭ и РЭШ). Поддерживались соответствующие направления исследований в академических институтах, формировались некоммерческие общественные организации: фонд «Либеральная миссия», ИНСОР и пр. В

Происходящее полностью не удовлетворяет никого: ни тех, чьи идеалы и ценности можно условно считать «неолиберальными», ни тех, которых можно отнести к «консерваторам»: и те и другие организуют оппозиционные движения и партии, проводят шествия и митинги, ведут активную пропаганду всеми доступными средствами. Недовольны и «демократы», и «коммунисты», и христиане, и мусульмане, и молодые, и старые.

систему подготовки экономистов повсеместно внедрялись неолиберальные стандарты и т.д. Все это обеспечивало и продолжает обеспечивать якобы существующую научную базу, доминирование парадигмы и иллюзию того, что эта парадигма — неолиберальная. На протяжении двух десятилетий никакие естественные и иные смены лидеров и управленческих групп не повлияли на основной вектор экономической политики, поскольку возможности ОП-уклада в экономике вполне отвечают устремлениям властной элиты и околовластных кланов. С учетом фактического положения дел ОП следует признать доминирующей государственной идеологией современной России. При этом официальная риторика, более двадцати лет обрушивающаяся на общество, неизменно повторяет лишённые внятного содержания фразы, содержащие понятия, давно не обладающие

«физическим» смыслом: «демократия», «гражданское общество», «прогресс», «права человека», «капитализм», «социализм», «модернизация», «экономика», «развитие», «прогресс» и многие другие. Не прекращающаяся все эти годы критика неолиберализма, несмотря на ее безупречную аргументацию, глубокую научную проработку, несмотря на очевидно плачевные для страны результаты якобы применения неолиберализма, мало влияет на экономическую ОП-практику. Критики неолиберализма комфортно чувствуют себя на дискуссионных площадках, но при этом их влияние на выработку государственной стратегии невелико. К тому же критикуют обычно именно неолиберализм, что вполне безопасно и совершенно бессмысленно, поскольку его не существует. Тем не менее процесс критики, дискуссии, поисков альтернативных моделей разви-

тия не только жизненно необходим сам по себе, в том числе в качестве возможного базиса будущей политики, но и как фактор, оказывающий влияние на ход формирования новых социальных форм. Следует, однако, признать недостаточность и этого влияния, невысокий уровень организованности и владения социально-политическими технологиями, пренебрежение организационно-пропагандистской работой.

Еще одна слабость нестройного хора критиков «либеральных» ценностей и идеологии — это отсутствие или неспособность применения методологического и концептуального инструментария, позволяющего выявить подлинное направление и суть навязанного стране движения, опознать конечный пункт назначения и окончательные последствия его достижения. Страх перед собственным прошлым, экономическая и информационная зависимость от критикуемой «либеральной» среды, неспособность определить общую для всех цель и ценностную базу делают огромное большинство народа безвольной податливой ворчащей массой, а не здоровой нацией, способной к развитию. Если

не произойдет концентрации ума и воли, народ так и утечет в черную дыру истории, куда уже влечет его «рок событий». Все чаще можно услышать рассуждения о постлиберализме в связи со ставшим почти очевидным крахом «либеральных» и «неолиберальных» надежд, погружающихся в пучину мирового системного кризиса. Не только интеллектуалы, но и наиболее дальновидные политики понимают неизбежность обретения новых принципов жизнеустройства и построения новой системы миропорядка. Только отставшие от авангарда обозные агитаторы, несамостоятельные политические деятели и мародеры, добирающие остатки с разграбляемых территорий, продолжают пропагандировать и внедрять в жизнь «вечные либеральные ценности», избрав для этого в качестве поприща страну, все еще остающуюся инерционной средой, — Россию. Россия движется в поле тех сил и обстоятельств, в зону действия которых она попала в последние десятилетия, не в силах обрести ни ориентиры и цели, ни механизмы управления целенаправленным движением. Отсюда часто говорят, что страна лишена субъектности или что страна не имеет национальной идеи, образа будущего и т.п. Обозначенная проблема является проблемой формирования идеологии и применения ее в практике стратегического планирования.

Большинство людей, в том числе и прежде всего избиратели, в своих политических предпочтениях не ориентируются на идеологические конструкты. Их критерии выбора лежат в большей степени в сфере эмоционального, нежели логического. Отсюда, в частности, известный успех лозунга «голосуй сердцем», в этом же ряду — поиск назва-

ний политических партий не по идеологическим и политическим признакам, а по признакам «поэтическим»: «Справедливая Россия», «Единая Россия», партия «Родина» и т.п. По существу — это обращение к ценностям, а не идеологическим системам. Чаще всего разговор о современных проблемах социальных ценностей так или иначе апеллирует к теме кризиса ценностей. Словосочетание стало устойчивым выражением и, как это часто бывает с устойчивыми выражениями, создает иллюзию понимания явления. В то время как слова «кризис ценностей» без погружения в более тщательный анализ не объясняют вообще ничего и даже не обозначают предметную область проблемы.

Прежде всего, на наш взгляд, совершенно неуместно говорить о кризисе, каким бы смыслом ни наполняли это понятие. Словарные определения кризиса весьма неточны. Вот, например: «Кризис (поворотный пункт. — греч.) — перелом, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы». Не следует так трактовать понятие кризиса, это очень неточное, в сущности, даже неверное определение. «Перелом», «поворот» характеризуются не столько неадекватностью методов достижения целей, сколько утратой самих целей или их заменой на новые цели. То, что происходит с ценностями у нас в стране, да и в мире в целом, следует описывать, скорее, как конфликт ценностей, а не кризис.

Повторим точку зрения на взаимосвязь ценностей и целей, высказанную в предыдущем номере альманаха: цели в

существенной мере определяют ценности. Разные общественные слои жаждут и чают различных целей, для достижения которых ценностями становятся определенные ресурсы и линии поведения. И когда кто-то говорит о кризисе ценностей, он имеет в виду либо неразвитость, недооценку чего-то, что он считает ценностями, либо высказывает опасение, что неким «подлинным», «правильным» ценностям привержено недостаточное количество соотечественников или — чаще всего — их игнорирует властная элита. Опасение также вызывает ведение всей страны как целого к «неправильным», «ложным» целям и ценностям. И это действительно является реально существующей проблемой. Выше мы констатировали доминирование ОП-идеологии в современной России. Это доминирование проявлено и в мире ценностей, однако здесь картина гораздо более запутанная, нежели в пространстве идеологий или в пространстве экономического или политического либерализма. Было бы легче ориентироваться и, соответственно, бороться за свои (альтернативные) идеалы и ценности, если бы «неолиберальные» ценности — точнее, ОП-ценности — были определенным, недвусмысленным образом сформулированы и предложены или навязаны обществу в качестве нормативных. Вместо этого общество погружено в ценностный хаос, в постмодернистское пространство аномии, в непрерывный kaleidoscope как бы равнозначных смыслов и ценностей. Именно в этом и состоит «фишка» неолиберализма: в мире ценностей он принимает форму и облик постмодернистского хаоса. В этом карнавальном вихре только режиссер действия способен распознать своих, остальные долж-

ны утратить способность к различению, к выстраиванию ценностных систем, к осознанию самого понятия ценности. Они должны раствориться в бессмысленности, воспринимая именно это состояние как высшую свободу. Инструментом введения народа в подобное состояние является культура, прежде всего — массовая культура.

Народ, однако, сопротивляется массовому и безвозвратному уходу общественного сознания в такое состояние. Народ протестует против узаконивания однополых браков, он цепляется за обычную семью как не просто традиционную, но как единственно возможную «ячейку общества». Народ также не принимает попытку государства стать выше семьи в вопросах воспитания детей путем внедрения ювенальной юстиции. Он инстинктивно не доверяет государству, принявшему в качестве доминирующей ОП-идеологию. Народ не хочет отказать от собственной истории как предмета гордости, как фактора развития, а не как криминальной сводки или обвинительного заключения на «историческом процессе», где предлагают стыдиться прошлого своих отцов и дедов и каяться за него. Народ не хочет воспринимать друг друга как среду для конкурентной борьбы за собственный материальный успех, а не внутренне доброжелательное сообщество, движущееся к общим целям. Народ не хочет признавать искусством любой предмет, включая человеческие испражнения, на том основании, что это кем-то названо «артефактом» и «актуальным искусством». Народ называет самое мощное орудие промывания мозгов — телевидение — «зомбоящиком» и справедливо полагает, что смотреть телевизор — все равно что глядеть в выгребную яму.

Мы говорим «народ», понимая, что речь идет о его части, быть может, и большей части, но не обо всем народе. Другая его часть — быть может, и меньшая — не только считает иначе, но и действует иначе. Именно эта — «другая» — часть и создает то информационное пространство культуры, с которым не согласен остальной народ и которое призвано изменить его менталитет ради тотального торжества ОП и постмодернизма. Ну, а если не удастся изменить, то... Такой народ им не нужен. Он не просто мешает, он — обременителен.

Ряд действий президента подмывает сложившуюся ОП-практику, о чем свидетельствует в том числе направленная в его адрес критика «слева», «справа» и со всех остальных сторон, организованная прямыми и косвенными бенефициарами ОП-экономики. Но еще более об этом свидетельствует растущая поддержка действий президента со стороны народа. ОП-идеология, распространившись по факту, не может обрести ни статуса, ни качества подлинной идеологии: это не идеология, а сложившаяся практика. В этом, в частности, надежда на избавление от нее: практику изменить легче, чем идеологию, внедрившуюся в сознание масс.

В современном российском обществе трудно определить сколько-нибудь заметную и значимую социальную группу, которая считает, что ее ценности, цели и идеалы находятся не то что в соответствии с сегодняшним состоянием общества и наблюдаемым движением страны в будущее, но хотя бы не состоят в непримиримом противоречии с происходящим. Происходящее полностью не удовлетворяет никого: ни тех, чьи идеалы и ценности можно условно считать «неолиберальными», ни

тех, которых можно отнести к «консерваторам»: и те и другие организуют оппозиционные движения и партии, проводят шествия и митинги, ведут активную пропаганду всеми доступными средствами. Недовольны и «демократы», и «коммунисты», и христиане, и мусульмане, и молодые, и старые... Такое состояние общества нельзя не признать тревожным, поскольку оно чревато социальными взрывами, распадом государства. Единственной политической скрепой, удерживающей страну от диссоциации в мировом геэкономическом процессе, сегодня является парадоксальная поддержка лично президента Путина, его высокий рейтинг. Парадокс на самом деле кажущийся: народ улавливает в «сигналах», исходящих от президента, именно тот пока неясный образ общей идеологии, которой жаждет общественное сознание, ту надежду, которая упорно пробивается сквозь многослойное бетонирование чуждыми ценностями.

Степень сложности возникших проблем развития России беспрецедентна для отечественной, а, быть может, и для мировой истории. Даже теоретическое моделирование нового единства страны и общества, в котором достигнут консенсус частей при сохранении целого, представляет весьма сложную проблему. О практической ее реализации пока и речи идти не может, поскольку не то что моделирование, но и вопрос о необходимости моделирования не ставится. Страна живет по привычке, в меру здравомыслия и пассивности населения, а вовсе не в соответствии с какими-то идеалами и целями своего развития. Точнее, разноречивой и идеалов, присущих разным социальным группам, усложняет выбор целенаправленной траектории развития,

удерживая страну в состоянии длительной неопределенности собственной судьбы.

Цели и идеалы – это варианты возможного будущего страны; тем самым будущее оказывает непосредственное влияние на настоящее. В меньшей степени и прошлое оказывает влияние на настоящее и тоже оказывается, как это ни парадоксально, «разным прошлым». Хоть речь и идет об одном-единственном прошлом конкретной страны, его интерпретации разными историками, политиками и просто людьми, придерживающимися разных взглядов, которые представляют собой множество вариантов и толкований истории. Так некая единственная, объективно бывшая в действительности история превращается в армию исторических фантомов, атакующих друг друга и общественное сознание с целью реформирования настоящего и достижения своих целей в будущем. Выстраивать эффективную целенаправленную по-

Идеология – рациональная система взглядов, имеющая ясную земную цель управления и преобразования общества. У идеологии и религии различны и цели, и методы, и сам предмет. Общим, но по-разному осознаваемым подпространством идеологии и религии являются ценности. И религии, и идеологии опираются на ценности и апеллируют к ним, но нет тождества между ними тремя.

литику при таком множестве равнозначных противодействующих факторов невозможно, во всяком случае, такие политические технологии еще не разработаны. Имеющиеся технологии предполагают опору на выявление, формирование и поддержку некоего главного направления действующих факторов с нейтрализацией или устранением противодействующих сил. Это требует от политиков стратегического уровня опоры на избранную доминирующую идеологию и связанный с нею набор ценностей и целей.

Иногда можно встретить поверхностные суждения о том, что место идеологии в об-

ществе может и должна занять религия. Это глубоко ошибочная точка зрения: идеология – рациональная система взглядов, имеющая ясную земную цель управления и преобразования общества. В идеологии нет ни тайны, ни вечности, ни мистической глубины. У идеологии и религии различны и цели, и методы, и сам предмет. Общим, но по-разному осознаваемым подпространством идеологии и религии являются ценности. И религии, и идеологии опираются на ценности и апеллируют к ним, но нет тождества между ними тремя.

Ценностный базис религии определен ее целями, и он неизменен, как неизменны цели

спасения души, если мы говорим о христианстве. Иной может быть ситуация в Церкви — земной организации людей, стремящейся к достижению высших религиозных целей, к сбережению религиозных ценностей, но действующей в изменяющейся среде, состоящей из людей, государств, идеологий и земных устремлений.

Поэтому Церковь может оказаться подверженной и идеологиям, и динамике ценностей, охватившей людские сообщества. На наших глазах под воздействием извне и изнутри Католическая, например, церковь деформирует свои ценностные устои, обсуждая, скажем, возможность освящения однополых браков. Католическая церковь, не говоря об одиозных протестантских, все более превращается в инструмент политики внешних сил, находящихся своих адептов внутри самой Церкви. Процессы, происходящие сейчас в Католической церкви, проявившиеся, в

пространстве ценностного выбора, по крайней мере, с его учетом. Политико-экономические реалии не могут быть отброшены, но они и не должны быть единственными критериями оценки перспектив.

Есть, например, позиция (Владислав Иноземцев), согласно которой нам следует «разменять» бессмысленный суверенитет на принадлежность к развитым экономикам, на участие в мировых хозяйственных цепочках, на условия нормального экономического, социального и интеллектуального развития». Россия должна вступить в ЕС и замкнуть «северное кольцо»: Европа — Россия — Япония — Северная Америка. «Россия и Америка, — пишет Иноземцев, — это две исторические окраины Европы, и все они должны воссоединиться, если хотят сохранить свои цивилизационные коды». Такая концепция, разумеется, может тоже рассматриваться, однако при этом надо постараться заранее

ности свободного творческого развития всех россиян в русле собственных традиций. С точки зрения остальных участников «северного кольца» обеспечение подобного существования россиян не оправдано ни экономически, ни политически. Экономически — это непроизводительные затраты на содержание ничего полезного для остальных не производящего населения, а политически — это угроза возникновения альтернативных моделей развития, к чему Россия и населяющие ее народы весьма склонны и уже вкусили опыт проектирования и воплощения собственного будущего. «Дорогие россияне» смогут, паче чаяния, додуматься до новых моделей социального государства, не будут признавать и применять в своей жизни «права человека», «права меньшинств», «общечеловеческие ценности» и прочее, составляющее важный инструмент управления ими. Поэтому при разумном и ответственном проектировании «северного кольца» придется как-то «стерилизовать» необходимую массу россиян и в качественном, и в количественном отношении. Часть россиян сегодня не просто готова, но уже вписалась в западный проект — эта часть, как «товарищ Кац» из последней кинокомедии Гайдая, «предлагает сдать». Другую часть можно «переделать», а вот остальных — уж извините, придется «стерилизовать». Насколько неотвратимы подобные последствия? Какая группировка среди строителей «кольца» — ежели таковые существуют — победит: настроенная «гуманистически» по отношению к народам «кольца» или «рационалистически»? Ответ неясен, а это означает неприемлемый уровень тревоги. В любом случае мы можем и должны задать самим себе вопрос: может ли

Необходимо развитие и углубление всех видов связей как с Европой, так и с Азией, стремление к формированию политико-экономического альянса планетарной значимости, способного сохранить культурно-историческую идентичность участников, поддержать при этом наращивание ими экономической мощи, политической независимости и способности к дальнейшему самостоятельному развитию.

частности, в досрочном уходе римского папы, касаются не только Церкви, но и всего остального мира. Ценностный кризис, по-видимому, охватил весь католический мир, а это свыше миллиарда людей в разных странах.

Наиболее популярный в общественном дискурсе любого уровня компетентности вопрос: «Куда двигаться России — в сторону “Запада” или “Востока”, формировать альянсы или дефрагментировать наличное?» — тоже должен ре-

предвидеть все последствия «размена бессмысленного суверенитета», среди которых может быть вовсе не благостное экономическое процветание, коллективная безопасность и духовный расцвет в общем цивилизационном лоне. Если с точки зрения уже существующих звеньев «северного кольца» российская территория и ее недра очевидно необходимы, то вовсе не очевидно, что участники альянса будут стремиться к сохранению языка, культуры, возмож-

Россия рассматривать вариант участия в «северном кольце» без подобных для себя последствий, не поступаясь базовыми ценностями бытия? На наш взгляд, может лишь теоретически, хотя сегодня нет ни самой стратегии, ни намерений по ее разработке, ни ресурсов — природных, экономических, политических, интеллектуальных — для «естественного» воплощения подобной стратегии. Все эти ресурсы надо изыскивать и наращивать, чего, собственно, никто не делает. В том виде, в каком этот «проект» преподносится и пропагандируется сегодня, он не несет в себе ничего, кроме желания поскорее «сдать» Россию Америке и получше лично устроиться в будущем «кольце».

Творческие и политические силы заняты обсуждением и других возможных проектов управления судьбой страны. Среди них вступление России в евро-азиатские международные альянсы, превращение России в процветающий «мост между Востоком и Западом», «между Европой и Азией», поиск моделей «альтернативной глобализации», ожидание прихода нового экономического цикла и своевременное оседлание очередного уклада, упование на благоприятное расположение планет и наступление «эры процветания»... Некоторые из этих «проектов» следует отнести к жанру фэнтези, в то же время другие надо рассматривать и анализировать как вполне рациональные модели. При этом важно не упустить из виду анализ социокультурных взаимодействий и порождаемых ими единений или конфликтов систем ценностей, не просмотреть грань допустимого в расплате духовным за материальное.

В этом смысле представляется не только предпочтительным, но единственно возмож-

Надо шаг за шагом, пядь за пядью отвоевывать занятое «противником» информационное пространство, стремясь хотя бы к равновесию ценностной палитры. Именно информационное пространство сегодня практически полностью контролируется приверженцами чуждых нам ценностей. Это относится ко всем информационным разделам — от «политики» до «спорта» — и ко всем каналам распространения информации.

Пространство культуры обладает сильным влиянием на политику, но основную ценность оно представляет само по себе. Это – накопленное национальное достояние, и ценность его – во всех смыслах – определяется тем, чем это достояние наполняется. Культурное достояние – это прежде всего то, что в головах и сердцах граждан, то, чем они дышат, о чем думают, чему отдают предпочтения, от чего отказываются.

ным направлением поиска взаимовыгодных интеграционных направлений развитие и углубление всех видов связей как с Европой, так и с Азией, стремление к формированию политико-экономического альянса планетарной значимости, способного сохранить культурно-историческую идентичность участников, поддержать при этом наращивание ими экономической мощи, политической независимости и способности к дальнейшему самостоятельному развитию. Предпосылки для такого альянса имеются как в самой истории мирового развития и взаимовлияния культур, так и в экономической целесообразности. При этом роль России не должна сводиться к функции «моста» между Европой и Китаем. Россия в этой конфигурации может и должна сыграть роль генератора и строителя новой модели социально-политического и экономического устройства, в которой будет воплощен ее собственный опыт и опыт других стран.

Так что же делать той части общества, которая отрицает доминирующую по факту ОП-практику, не хочет принимать постмодернистскую ценностную размазю вместо все еще существующего национального ценностного ядра? Мы считаем, что надо шаг за шагом, пядь за пядью отвоевывать занятое «противником» информационное пространство, стремясь хотя бы к равновесию ценностной палитры. Именно информационное пространство сегодня практически полностью контролируется приверженцами чуждых нам ценностей. Это относится ко всем информационным разделам – от «политики» до «спорта» – и ко всем каналам распространения информации. Нам ежедневно и ежедневно навязывается повестка

дня в выпусках новостей, нам предписывают о чем думать, про что говорить, что смотреть, что читать, чем восхищаться, а что осуждать. Если в экспертно-аналитическом поле альтернативные доминирующие идеологии точки зрения присутствуют (вырабатываются и публикуются мнения, оценки, исследования, проводятся конференции и форумы), то в общедоступное информационное поле сведения об этом просачиваются с трудом. А ведь именно общедоступное информационное поле формирует общественное мнение. Поэтому нет оснований оценивать роль научно-экспертного сообщества как значимую. Практическая политика, осуществляемая властной элитой, определяется не научно обоснованными рекомендациями, выявленными в качестве наилучших среди многих вариантов стратегии, а конкретными обстоятельствами собственного бытования и присущим элите основным инстинктом — борьбой за удержание и укрепление власти. Научные, экспертные, аналитические и публицистические материалы идут в дело как подспорье, как оправдание или квазиобоснование уже возникших политических намерений или решений. Поэтому нужно не только давать советы власти, не только высказывать недовольство и неприятие чего-либо, но и оказывать прямое воздействие на общественное сознание всеми доступными способами.

Крайне тревожно положение в пространстве культуры: даже не в самом культурном процессе, а в информационном поле, его освещающем. У тех, которые его крепко сегодня удерживают и внедряют в сознание свои ценности, собственные представления о должном, о красоте, об успехе, о надлежащем будущем и о «позорном» прошлом. Здесь нали-

цо практически тотальный контроль со стороны приверженцев ОП-ценностей.

Пространство культуры достаточно явственно структурировано. Мы легко и с высокой степенью точности идентифицируем, скажем, общественно-политические и литературно-художественные журналы «по политической принадлежности». Мы ясно видим, какой идеологической линии придерживаются те или иные газеты, теле- и радиоканалы, отдельные передачи, а также информационные агентства, формирующие новостную повестку дня и «раскручивающие звезд». У явления «раскрутки звезд» есть не только очевидная коммерческая мотивация — стать известным, чтобы зарабатывать деньги, — но и политическая, идеологическая. Пространство культуры обладает силь-

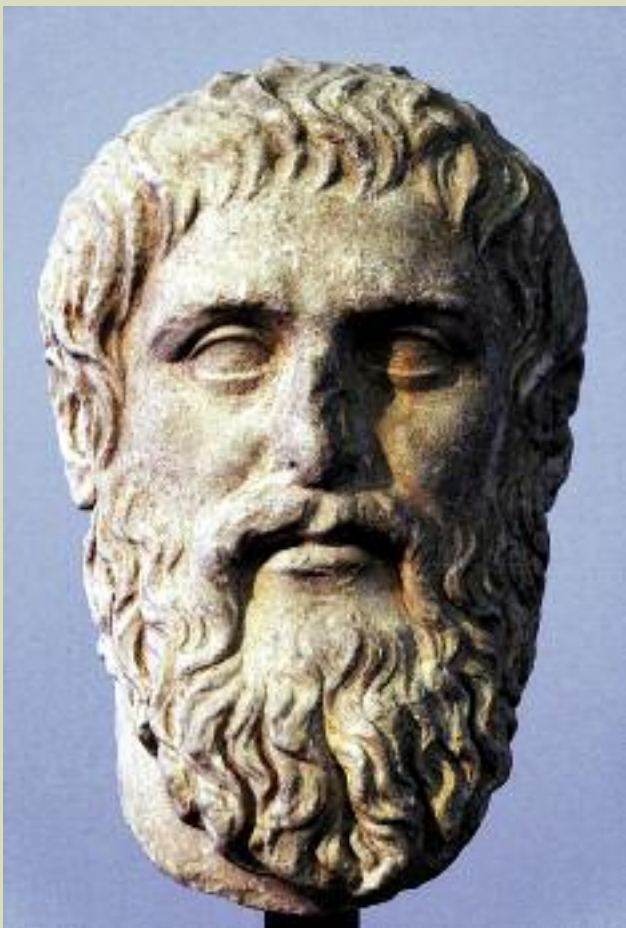
тем настойчивого внедрения в информационную среду своих ценностей, создания альтернативного информационного поля в формате как печатных, так и электронных изданий, каналов, социальных сетей, связанных друг с другом на основе смысловой, ценностной координации. Такая среда и такие издания могли бы выявить, сделать известными образцы подлинной культуры, произведения литературы и искусства, остающиеся сегодня за бортом по воле «неолиберально» мыслящих редакторов, дать толчок появлению новых деятелей той подлинной культуры, которая только способна сберечь наши ценности, сделать их опорой формирования идеологии и политики развития. Важная составляющая идеологии развития — целостность позитивного восприятия собственной

Нет оснований оценивать роль научно-экспертного сообщества как значимую. Практическая политика, осуществляемая властной элитой, определяется не научно обоснованными рекомендациями, выявленными в качестве наилучших среди многих вариантов стратегии, а конкретными обстоятельствами собственного бытования и присущим элите основным инстинктом — борьбой за удержание и укрепление власти.

ным влиянием на политику, но основную ценность оно представляет само по себе. Это — накопленное национальное достояние, и ценность его — во всех смыслах — определяется тем, чем это достояние наполняется. Важно осознавать, что культурное достояние — это не только картины, книги, музыкальные произведения, фильмы, театральные постановки и т.д. Это прежде всего то, что в головах и сердцах граждан, то, чем они дышат, о чем думают, чему отдают предпочтения, от чего отказываются. Основная битва происходит именно здесь, а не только там, где определяется экономическая политика. Положение может быть улучшено пу-

истории и своего пути. Именно позитивное восприятие собственной истории является фактором развития, а вовсе не смакование ее трагических страниц. Нами накоплен разносторонний опыт, который следует применять на практике для достижения ясно сформулированных целей.

Обозначив лишь некоторые из проблем, связанных с идеологией и ценностями, мы приглашаем авторов и читателей альманаха к дискуссии по затронутым и упущенным вопросам. Мы верим в действенность мысли и слова — тех видов оружия, которыми располагает печатное издание, и в его организующий потенциал.

ха. <...> Потому что ты думаешь, будто пастухи или волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. “Справедливое”, “справедливость”, “несправедливое”, “несправедливость” – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое – в сущности, это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот. Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний,

Платон

Из диалога «Государство»

«Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему. <...> В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. <...> Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего.

Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька? <...> Да пусть твоя нянька не забывает утирать тебе нос, ты ведь у нее не отличаешь овец от пасту-

то святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, которые порицают несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так вот, Сократ: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе». 📖

«Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоление по-

Федор Достоевский

Из романа «Братья Карамазовы»

требностей, зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек? Я знал одного “борца за идею”, который сам рассказывал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошел и не предал свою “идею”, чтобы только дали ему табаку. А ведь этакой говорит: “За человечество бороться иду”. Ну, куда такой пойдет и на что он способен? На скорый поступок разве, а долго не вытерпит. И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолю-

бию и человеческому единению впали напротив в отъединение и уединение, как говорил мне в юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей, и воистину встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».